

ПАСТЫРЬ

КНИГА ПЕРВАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СТАНИСЛАВ МИНИН

Станислав Минин

Пастырь. Книга первая

«Автор»

2026

Минин С. Н.

Пастырь. Книга первая / С. Н. Минин — «Автор», 2026

Он всю сознательную жизнь служил закону и погиб, исполняя свой долг. Но смерть оказалась только началом. Седой Старик за последней чертой вложил ему в голову слова молитвы, похожие одновременно на клятву и на приговор, и отправил в мир, полный греха и скверны. Павел Немиров очнулся в теле юноши из клана, который не первое столетие живёт заказными убийствами. У Немировых свои законы, и жить Павлу теперь придётся по ним. Родичи видят в нём наёмного убийцу. Зрители подпольных боёв — грозного бойца по прозвищу Пастырь. Молитва Старика велит карать грешников. А совесть и убеждения офицера не дают забыть, что приговор и расправа — не одно и то же. Кем же он станет в этом мире — Пастырем или палачом?

© Минин С. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Станислав Минин

Пастырь. Книга первая

Глава 1

— Всем на пол, мрази!

Первым в забаррикадированный барак ввалился прапорщик Иванов — и с разгона впечатал дубинку в висок первому, кто подвернулся под руку. Тот осел на пол ещё до того, как я перешагнул порог, пытаюсь привыкнуть к внезапно окутавшему меня полумраку. В лицо ударила резкая вонь: пот, кровь, палёная резина и что-то ещё, приторное, что бывает только там, где убивают медленно.

— Лежать, мрази! Руки за голову!..

Бунт на зоне продолжался уже третьи сутки, за это время контингент уже убил троих сотрудников ИТК, взятых в заложники, и казнил пятерых вычисленных стукачков из своих. На очереди была следующая партия коллаборационистов. Слава богу, заключённые не добрались до дежурки с оружием. Приказ на штурм, как всегда, поступил неожиданно, и спецназ ФСИН начал зачистку зоны.

— Лежать! Лежать, я сказал! — Голос тяжело дышащего Иванова долбил из динамиков шлема. — Лежать, мразь!..

Барак взорвался движением со всех сторон разом, будто нас ждали именно в эту секунду. Кто-то с рёвом бросился на меня с заточенной ложкой в кулаке — ушёл с линии атаки на пол корпуса, впечатал локоть ему в висок, и тело сложилось на пол раньше, чем я успел выдернуть руку обратно. Второй попытался сжать меня сзади медвежьей хваткой; я присел, крутанул бедром, швырнул его через себя и добил коленом в печень — тот захрипел, харкая кровью на бетон, и затих.

После наглядной демонстрации фотографий с тем, во что осуждённые превратили сотрудников зоны и стукачков, ни о каком гуманном к ним отношении не могло быть и речи, при штурме никто церемониться не собирался, и поэтому с самого начала наше подразделение вело себя крайне жёстко, даже по отношению к тем заключённым, которые не проявляли признаков сопротивления и ложились с заведёнными за голову руками и широко расставленными ногами.

Этот барак без сопротивления сдаваться не собирался: часть зеков, вооружённых подручными средствами — арматурой, заточенными черенками от швабр, выломанными прутьями решёток, — оказывала активное сопротивление, и барак быстро превращался в мясорубку, где уже давно смешалась кровь обеих сторон.

Чья-то голова взрывается кровавыми брызгами от удара дубинкой, ботинок до хруста врежется в рёбра следующего, выпад деревянной дубинки принимаю на предплечье, защищённое кевларовой накладкой, и, переместившись чуть в сторону, бью мразь ногой в колено до характерного хруста, добавляю дубинкой в ключицу. Кровь — моя, чужая, вперемешку — заливает забрало; протираю визор сгибом перчатки на бегу, не сбавляя темпа. Вой раненых и собственный хриплый выдох сливаются в один сплошной гул, в котором давно потерялся смысл отдельных слов.

Всё как учили: один, максимум два удара — и противник должен оказаться неспособен оказывать сопротивление.

Меня оглушают вой «поломанного», крики прапорщика и общий ор в бараке, а на очереди пара следующих заключённых — один с арматурой в руке, второй с куском железной спинки от шконки. Первый размахивается наотмашь, целя в шлем, — ныряю под дугу удара

и вlepляю кулаком под рёбра; он складывается пополам, роняя железку с лязгом, тонущим в общем шуме.

Отблеск отполированного металла мелькнул с правого бока — там, где меня уже никто не должен был достать. Резко опущенная в блоке рука наткнулась на что-то под броником, и бок взорвался такой резкой болью, что из лёгких вышибло весь воздух разом, а мир на миг качнулся, будто пол ушёл из-под ног.

«Откуда он взялся? — успел подумать я, “ломая” того, что неумело махал перед собой арматуриной. — Чёрт, твою мать, почему Витёк не прикрыл сзади? Он же был... сзади...»

Другого зэка — того, что пёр на меня с куском шконки, — уложил из последних сил уже на чистом упрямстве, потому что тело с каждым мгновением слушалось всё хуже, а ноги начали подгибаться сами по себе.

— Немиров, твою мать, зацепило?! — Откуда-то сбоку вынырнул старлей Витя, вцепился в разгрузку и, поднатужившись потащил на себя. — Прикрывайте! Уходим, уходим!

Дальше сознание мелькало вспышками, картинки появлялись без всякого порядка: чужие руки под мышками, собственные ноги, волочащиеся по бетонному крошеву, выбитая дверь, серый свет снаружи, режущий глаза после темноты барака. А потом, уже за оцеплением и среди своих, кто-то рванул на мне броник, чьи-то пальцы начали вбивать тампон в рану, а рядом что-то проорали в рацию о срочной эвакуации.

— Капитан, держись! Сейчас, сейчас, потерпи! — раздался голос Иванова откуда-то сверху, чужой, слишком спокойный для такого крика.

В глазах потемнело, а последнее, что я услышал, перед тем как провалиться в черноту, было чьё-то деловитое, будничное:

— Держим давление, готовь носилки, эвакуация через две минуты...

Великое НИЧТО давило вокруг, оно было внутри, заставляя растворяться в нём, терять себя, становиться его микроскопической частичкой, и одновременно вело себя равнодушно, не замечая и не желая принимать.

На появившийся свет я сначала не обращал внимания, любясь манящим НИЧТО, но спустя какое-то время свет принял правильные геометрические очертания, и окружающее меня пространство превратилось в светлую комнату со стоящим посередине деревянным стулом с резными ручками и ножками.

— Здравствуй, сын мой! — По сознанию ударил приятный баритон с властными нотками в голосе.

А на стуле проявился старик с седой головой и длинной бородой, облачённый в нечто белое, напоминающее римскую тогу. Слишком яркие и молодые для его возраста синие глаза старика, казалось, видели меня насквозь, а насмешливое выражение его лица заставило меня устыдиться и опустить голову.

— Да, Павел, ты не ошибся, это я тебя призвал. — Слова буквально впечатывались в сознание. — Несмотря ни на что, ты один из немногих, сохранивших человеческий облик, чьи понятия о добре и зле давно превратились в непреложный жизненный закон. Твой путь в этом времени закончен, следующее воплощение твоей бессмертной души будет в другом времени, в мире, погрязшем в грехах и скверне. Запоминай, Павел...

Комната исчезла, остались лишь ярко-синие глаза старика. Я практически перестал чувствовать своё тело, сознание плыло, а через некоторое время губы сами шептали вслед за всплывавшими в голове словами:

Я Твоё отмщение и воздаяние, Господи. Я меч сверкающий Твой. Да убоятся души грешников Твоего суда. Твоим пастырем буду я, Господи. Исполню волю Твою и воздам по грехам их. Да будет так. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.